

Гражданский онлайн активизм в условиях политически ограниченной среды: кейс- исследование по Туркменистану

РУСТАМ МУХАМЕДОВ

ГРАЖДАНСКИЙ ОНЛАЙН АКТИВИЗМ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИ ОГРАНИЧЕННОЙ СРЕДЫ: КЕЙС-ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ТУРКМЕНИСТАНУ

РУСТАМ МУХАМЕДОВ

Эта публикация подготовлена при поддержке Institut für Europäische Politik (IEP) в рамках программы Eurasia Lab & Fellowship Program, финансируемой Фондами Открытого общества (OSF). Мнения, выраженные автором, могут не отражать точку зрения IEP или OSF

Выдержки из настоящей аналитической работы могут цитироваться или перепечатываться в академических целях без специального разрешения при условии обязательной ссылки на первоисточник.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТУРКМЕНИСТАНЕ	7
ПРИЧИНЫ, ВЫЗВАВШИЕ ВСПЛЕСК ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ТУРКМЕНИСТАНЦЕВ В 2020-2021 ГОДАХ	11
ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	15
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	30
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	33

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В 2020 году граждане Туркменистана проживающие за рубежом провели рекордное количество мирных демонстраций с требованием проведения социально-экономических и политических реформ. В этом исследовании анализируется онлайн-измерение этого всплеска протестной активности, в частности использование социальных сетей активистами оппозиции для активизации офлайн-протестов и подрыва гегемонистских нарративов правящего режима. В ходе исследования было установлено, что социальные сети сыграли важную роль в формировании первоначальных мотивов протестных акций, повышении их «заметности», мобилизации и координации действий, развитии чувства взаимопомощи и поддержки, повышении интереса к политически-направленному контенту со стороны туркменских граждан, как за рубежом, так и внутри страны. Исследование также выявило ряд структурных и обусловленных факторов, которые ограничивают охват оппозиционного движения на внутреннюю аудиторию и, как следствие, ограничивают его возможности артикулировать, мобилизовывать и объединять протесты внутри страны.

ВВЕДЕНИЕ

В 2020 году граждане Туркменистана за рубежом провели рекордное количество мирных демонстраций с требованием проведения социально-экономических и политических реформ и отставки президента Г. Бердымухамедова и правительства. Коллективные публичные проявления недовольства местными властями по поводу острых социальных проблем и «молчаливые» формы политического протеста были зафиксированы и в самом Туркменистане, несмотря на жесткие репрессивные условия.

Несмотря на то, что эта волна протестной активности застала правительство врасплох, она свидетельствует о недовольстве неравенством, социально-экономическими трудностями, и вопиющим игнорированием правительством бедственного положения людей, которые накапливались в туркменском обществе в предыдущие несколько лет. Более того, всплеск туркменской политической активности, особенно в онлайн-сфере, не является изолированным процессом, поскольку происходит в контексте динамически развивающейся низовой общественной активности по всей Центральной Азии. За последние несколько лет общества Центральной Азии стали более плюралистическими, так как появилось множество новых движений, особенно среди молодежи, требующих от своих правительств большей подотчетности в управлении. В целом имея ограниченный доступ к формальным политическим процессам, эти группы находят альтернативные, неинституционализированные каналы, которые они используют для мобилизации сторонников и выражения своего недовольства.¹

При этом не все эти группы поддерживают продемократические изменения и политическую либерализацию. В регионе отмечается рост консервативных, национал-популистских и альтернативных правых групп. К примеру, в 2020 году альтернативные правые группы в Казахстане с помощью социальных сетей развернули масштабную информационную

¹ The Nazarbayev Generation: Youth in Kazakhstan, ed. Marlene Laruelle (Lanham, MD: Lexington Books, 2019); Daniyar Kosnazarov, “#Hashtag Activism: Youth, Social Media and Politics in Kazakhstan,” CAP Paper #217, The George Washington University, Washington, DC, 2019; Sergey Marinin, “Agents of Change? Civic Engagement of Western-Educated Youth in Kazakhstan,” CAP Paper #222, The George Washington University, Washington, DC, 2019; Nafissa Insebayeva, “Choosing Your Battles: Different Languages of Kazakhstani Youth Activism,” CAP Paper #226, The George Washington University, Washington, DC, 2020; Paul Stronski, Russel Zanca, “Societal Change Afoot in Central Asia,” Carnegie Endowment for International Peace, October 18, 2019

кампанию по дискредитации предложенного законопроекта, направленного на улучшение потенциала страны в преследовании и предотвращении домашнего насилия. Группы использовали тактику киберзапугивания, распространяли ложную и манипулятивную информацию, апеллировали к традиционным ценностям, противопоставляя их так называемым «западным» ценностям и гендерному равенству как угрожающим явлениям (Azhibulova, 2021). В соседнем Кыргызстане, сторонники популиста Садыра Жапарова обеспечили его приход к власти в условиях государственного кризиса, возникшего в результате недовольства фальсификациями выборов в октябре 2020 года. Эта группа использовала социальные сети как средство националистической мобилизации, запугивала и преследовала про-либеральных активистов во время антикоррупционных и феминистских маршей в Бишкеке, и продвигала конституционные предложения С. Жапарова по возвращению Кыргызстана к суперпрезидентской системе (Baialieva, Kutmanaliev, 2021).

Отличительной чертой туркменского протестного активизма, в сравнении с другими странами Центральной Азии, является то, что у него гораздо более ограниченные возможности для влияния на внутривнутриполитические события. Политическая система Туркменистана не имеет условий для продвижения политического плюрализма и критике действий правительства. Вынужденное действовать из изгнания, оппозиционное движение использует онлайн-пространство в качестве основного средства донесения своих идей до населения страны. Беспрецедентный рост интереса к протестной активности среди граждан Туркменистана дал этим группам реальную возможность расширить свою деятельность и укрепить базу поддержки, улучшить стратегии и объединить усилия в единый фронт.

Эти соображения побудили данное исследование проанализировать онлайн-измерение этого всплеска протестной активности, в частности использование платформ социальных сетей для активизации офлайн-протестов, подрыва гегемонистских нарративов правящего режима и закладки основ для преобразующих социальных изменений в стране. В соответствии с этой целью, исследование также критически рассматривает роль протестного движения как посредника демократических норм и практик, уделяя особое внимание тому, как эти группы определяют и обсуждают их в контексте социально-политических событий в Туркменистане, и как они транслируют эти идеи публике. Наконец, исследование определяет структурные и обусловленные факторы, ограничивающие охват оппозиционного движения внутренней аудитории и, как следствие, ограничивающие его возможности артикулировать, мобилизовать и объединять протесты внутри страны.

В этом исследовании используются разные методологические инструменты для его двух основных частей – обзора и анализа. Исследование опирается на вторичные источники и метод контент-анализа, чтобы в достаточном объеме осветить тему состояния гражданского общества в Туркменистане, а также политические действия руководства страны, приведшие к социально-экономическому кризису и вызвавшие всплеск протестной активности в 2020 году. Вторичные источники, использованные для исследования, включают научные статьи и главы, интервью, материалы из медиа ресурсов, и доклады международных организаций, неправительственных организаций и правозащитных групп.

Для исследования поставленных задач, применялись методы скрытого наблюдения туркмено-язычных интернет-сообществ, в сочетании с методом контент-анализа информации, производимой и распространяемой в данных группах, с фокусом на видеоконтент. На начальном этапе автор проследил развитие темы исследования из следующих источников: «Азатлык» (рус.), Туркменская служба Радио «Свободная Европа» (англ.), «Хроника Туркменистана» (рус.), «Туркмен.ньюс» (рус.), охватывающих период с 1 апреля 2020 г. по 1 ноября 2021 г. Эти источники были выбраны из-за их авторитетности в отношении освещения событий в Туркменистане.

Эта трассировка помогла определить основную когорту активистов, оппозиционеров и каналы, которые они используют для трансляции своего онлайн-контента. Хотя изначально в исследовании проводился сбор информации на различных платформах, в конечном итоге YouTube был выбран в качестве основного объекта анализа; хотя активисты использовали различные платформы и средства для передачи своих сообщений (предварительно записанные, прямые трансляции), эти материалы были продублированы на YouTube, что сделало исследование более удобным для систематизации и сравнения данных. В ходе исследования были проанализированы видеоматериалы, созданные оппозиционными и активистскими группами и распространяемые через их каналы YouTube, для выявления общих нарративов и обсуждаемых тем, понимания особенностей и внутренней динамики туркменского онлайн-протестного движения, а также факторов, препятствующих его дальнейшему развитию и влиянию внутриполитические процессы.

ПОЛОЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Независимые организации гражданского общества и независимый гражданский и политический активизм никогда не процветали в Туркменистане из-за жесткой позиции нетерпимости авторитарной власти страны к любой организации или деятельности, которые расходятся с его повесткой дня и политикой. Отсутствие демократического прогресса в стране лучше всего иллюстрируется неизменно низкими показателями Туркменистана во всех международных индексах, измеряющих политические и экономические свободы.

Туркменистан – один из самых закрытых и репрессивных авторитарных режимов в мире. Гурбангулы Бердымухамедов, президент страны, поддерживает гипер-централизованную вертикаль власти, пользуется неограниченной властью и культом личности, достигающим причудливых размеров. Он определяет всю политическую, социальную, экономическую и культурную политику страны, и лично назначает чиновников на ключевые посты на всех уровнях, включая членов правительства, губернаторов, прокуроров и судей (Bertelsmann Stiftung, 2020). Руководящие институты страны лишены какой-либо реальной власти влиять на процесс принятия решений или обеспечивать сдержки и противовесы его власти (Bohr, 2016).

Г. Бердымухамедов укрепляет свое правление с помощью всепроникающего аппарата безопасности, который следит за действиями граждан, запугивает и подвергает давлению немногочисленных критиков режима и независимых правозащитников, которые осмеливаются высказываться против правительства. Кроме того, президент продвигает гегемонистское положение своей семьи и родственников, а также выходцев из своего ахалтекинского племени через неформальные и формальные структуры. Эти люди составляют внутренний круг элиты и занимают влиятельные посты в правительстве, управлении, бизнесе и образовании, которые они используют как источник частного дохода, увековечивая клиентелистскую и коррупционную практику. (Crude Accountability, 2021; Freedom House, 2020).

Это закрепление обширной формальной и неформальной власти в руках президента, его семьи и родственников, а также личных сторонников помогает объяснить нетерпимость режима к независимым гражданским

деятелям, которые рассматриваются как вызов существующим непрозрачным и коррумпированным структурам власти. Эта подозрительность и антагонизм по отношению к гражданскому обществу в значительной степени проявились после его важной роли в протестных движениях, свергнувших авторитарные правительства в Грузии, Украине и Кыргызстане в середине 2000-х годов (Polese, Beacháin, 2011; Berdiquolov, Buriev, & S. Marinin, 2021). Недавний рост протеста и гражданской активности на постсоветском пространстве, особенно в Центральной Азии, его растущая популярность на низовом уровне и признаки успеха в оказании давления на местные органы власти для решения проблем и недовольства граждан (Stronski, Zanca, 2019), еще больше закрепляют это подозрение.

Антагонизм правительства лучше всего иллюстрируется создаваемыми государством препятствиями развитию гражданского общества, а именно ограничительными законами и жестким контролем государства за деятельностью. Закон об общественных объединениях содержит обременительные требования, такие как необходимость: официально регистрироваться в Минюсте для ведения какой-либо деятельности, согласовывать с МИДом сотрудничество с международными организациями, регистрировать иностранное финансирование, иметь непомерно большую численность учредителей для регистрации и т. д. Закон также наделяет вышеупомянутое министерство чрезмерными полномочиями, такими как направление представителей на мероприятия и собрания ОГО и требование от ОГО уведомлять правительство о своей планируемой деятельности. Работа незарегистрированных ОГО строго запрещена и карается штрафом, кратковременным арестом и конфискацией имущества (Freedom House, 2018; Bohr, 2016).

Громоздкий процесс регистрации и жесткие требования используются властями для дискриминации неблагоприятных организаций по техническим причинам и ограничения их возможностей по привлечению финансовых и других ресурсов. В результате, большинство из них либо приостановили, либо ограничили свою деятельность, и очень немногие продолжили свою работу, чаще всего тайно.

Унылое состояние сектора гражданского общества в Туркменистане можно проиллюстрировать небольшим количеством зарегистрированных организаций; по состоянию на 2019 г. таких организаций насчитывалось всего 122 (U.S. Department of State, 2020). Однако большинство из них являются организованными государством НПО (GONGO) или тесно связанными с ними общественными объединениями. Наиболее известные из них, такие как Союз женщин, Союз молодежи или Национальный центр профсоюзов, напоминают общественные объединения коммунистической эпохи, учитывая количество членов, размах заявленной деятельности, методы работы и

отсутствии институциональной автономии. Они всесторонней поддержкой со стороны государства, например, в форме финансирования, потому что они не отходят от повестки дня государства и действуют как проводник его интересов.

Подобно «карманным» политическим партиям, эти ассоциации используются режимом для укрепления своей внутренней и международной легитимности, имитируя готовность правительства к сотрудничеству, открытость и тенденцию к демократизации. Кроме того, эти GONGO помогают режиму укреплять свои интересы в различных социальных слоях и поглощать потенциально недовольные группы, фильтровать действия или нарративы, которые власти считают нежелательными (например, освещение проблемы насилия в отношении женщин, вопросы дискриминации ЛГБТ меньшинств), маргинализировать и ослаблять непривилегированные (нелояльные) группы гражданского общества.

Те немногие активисты внутри страны, которые публично критикуют правительство и его политику, освещают нарушения прав человека и злоупотребление властью, непредвзято освещают события, альтернативные государственной пропаганде, и ставят под угрозу продвигаемый властями «позитивный имидж» страны оказываются под постоянным наблюдением и преследованием. К примеру, Солтан Ачилова, бывший репортер туркменской службы RFE/RL, была задержана полицией, подверглась физическому насилию, угрозам за ее журналистскую деятельность и запрету на выезд за границу (Committee to Protect Journalists, 2019). В другом случае активистка по защите прав животных Галина Кучеренко подверглась физическому и психологическому насилию, и административному аресту за документирование убийств домашних животных властями Ашхабада в рамках подготовки к Азиатским играм в закрытых помещениях и по боевым искусствам 2017 года (Alternative News of Turkmenistan (ANT), 2017).

Однако есть немало задокументированных случаев, когда независимые активисты и журналисты подвергаются гораздо более жесткому обращению, в частности, лишению свободы по сфабрикованным обвинениям в рамках несправедливых судебных процессов, как, например, в случае с Сапармаметом Непескулиевым, Мансуром Мингеловым, Нургельды Халыков, Пыгамберды Аллабердиев и др. (Freedom House, 2018; Analytical Center for Central Asia, 2021; International Commission of Jurists, 2020).

Из-за крайне ограничительных условий независимые активисты чаще всего вынуждены эмигрировать и работать в изгнании. Этих активистов можно разделить на три большие группы: журналисты, правозащитники и

политическая оппозиция. Эта категоризация не предполагает строгого разграничения между ними, поскольку многие группы ведут деятельность, охватывающую более одной области, например: Туркменская инициатива по правам человека (ТИПЧ), которая в основном занимается составлением отчетов о ситуации с правами человека в стране, также руководит новостным сайтом Хроника Туркменистана; правозащитная организация «Права и свободы граждан Туркменистана» также управляет веб-сайтом и каналом YouTube «Turkmen Yurt TV», которые служат как источником новостей, так и политической платформой. В целом, правозащитные группы стали наиболее заметным сегментом туркменского гражданского общества, в том числе в онлайн-пространстве, играя решающую роль в информировании международного сообщества и туркменской общественности (как внутри страны, так и за ее пределами) о реальном положении дел в стране.

Что касается политической оппозиции, то до 2020 года она преимущественно была представлена бывшими чиновниками среднего и старшего возраста и интеллигенцией, многие из которых бежали из страны после того, как попали в немилость к режиму. Некоторые из них организовали политические движения, такие как Республиканская партия Туркменистана (Нурмухаммет Ханамов) и «Херекет» (Акмухаммет Байханов), и даже выражали заинтересованность в участии в выборах в Туркменистане после смерти С. Ниязова (Sikorskaya, 2011). Тем не менее, эти политические платформы всегда оставались скорее «виртуальными»; из-за отсутствия единства, координации, четких стратегий и хорошо налаженных сетей внутри страны влияние оппозиции на внутривнутриполитические процессы было незначительным. Кроме того, правительство применяет различные средства, чтобы ограничить их влияние, чтобы предотвратить их превращение в силу, которая может каким-либо образом бросить вызов нынешней власти.

ПРИЧИНЫ, ВЫЗВАВШИЕ ВСПЛЕСК ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ТУРКМЕНИСТАНЦЕВ В 2020-2021 ГОДАХ

Первые волны протестов были спровоцированы двумя насущными проблемами: некомпетентной реакцией правительства на пандемию COVID-19 и ее последствия, а также столь же неадекватной реакцией на стихийное бедствие в Лебапской и Марыйской областях в апреле 2020 года. Эти проблемы свидетельствовали об углублении разочарования по поводу неравенства и социально-экономических трудностей, которые накапливались в обществе в предыдущие несколько лет.

С 2015 года Туркменистан находится в тисках одного из самых тяжелых экономических и финансовых кризисов в своей независимой истории. Совокупное воздействие резкого падения экспортных цен на углеводороды, сокращения объемов экспорта из-за потери клиентов и масштабных государственных расходов на тщеславные проекты обнажило уязвимые места разбалансированной и неэффективной экономики страны, жестко контролируемой государством и сверхзависимой от экспорта углеводородов.

Повсеместная коррупция, клиентелизм, кумовство, некомпетентность, непрозрачное и произвольное принятие решений, в основе которого заключаются личные интересы внутренней элиты, еще больше усугубили ситуацию. Как уже упоминалось ранее, Туркменистан – яркий пример клептократии; внутренняя элита извлекает выгоду из своего привилегированного положения, углубляя непрозрачные и клиентелистские практики. К примеру, несмотря на значительное падение доходов, правительство продолжало тратить государственные средства на крупномасштабные строительные проекты с раздутыми бюджетами, чтобы представители элиты могли выкачивать средства и перераспределять финансовые потоки между собой. (ANT, 2019; Turkmen.news, 2019).

В то же время стесненный в средствах правящий режим сократил государственные расходы на предоставление общественных товаров и услуг, что снизило уровень жизни большей части населения. Правительство, например, объединило министерства и государственные ведомства, сократило их персонал, отправило в неоплачиваемый отпуск бюджетников, повысило плату за дошкольные учреждения, сократило государственные субсидии, ввело строгие ограничения на продажу

иностранной валюты, снятие наличных, электронные переводы и т. д. (RadioFreeEurope/Radio Liberty (RFE/RL), 2019; Hug, 2019; Pannier, 2019). В 2018 году правительство отказалось от бесплатного предоставления жителям газа, электричества и воды – политики, которая служила основой «общественного договора» с начала 1990-х годов, утверждая, что такая система больше не нужна из-за увеличения доходов граждан. (RFE/RL, 2018).

В результате ошибочной политики правительства, Туркменистан столкнулся с каскадом социально-экономических трудностей: нехватка продовольствия, нормирование, длинные очереди в государственных магазинах, низкая заработная плата и снижение покупательной способности, резкие скачки цен, рост безработицы, нехватка наличности, иностранной валюты и «черный рынок», и т.д. (Pannier, 2019; Human Rights Watch (HRW), 2020). Тем временем правительство по-прежнему не разрабатывало четкую политику борьбы с бедностью и обеспечения продовольственной безопасности, выявления обездоленных групп и открытого признания существования бедности, что только усугубляло социальное неравенство.

Эти условия вынудили многих туркменистанцев, особенно молодых и квалифицированных, покинуть страну в поисках лучшей жизни. Хотя точная цифра неизвестна, некоторые источники утверждают, что около 1,9 млн. человек «уехали в период с 2008 по 2018 год либо на постоянное жительство за границу, либо на постоянную работу за пределами страны» (Najibullah, 2019). Больше всего от этого оттока пострадали секторы здравоохранения и образования, и без того страдающие от нехватки хорошо подготовленных специалистов, что привело к дальнейшему ухудшению качества предоставляемых услуг (Hronika Turkmenistana, 2019).

В 2020 году некомпетентная реакция правительства на эпидемию COVID-19 в стране еще больше усугубила бедственное положение местного населения и вызвала чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения. С самого начала подход властей отличался непоследовательностью, сомнительной тактикой, упорным отрицанием и попытками скрыть правду. Первоначально власти не решались вводить строгие ограничения и меры по самоизоляции, подобные тем, которые вводились в соседних государствах, чтобы остановить распространение инфекции. Впоследствии власти предприняли некоторые превентивные меры, такие как ограничение передвижения через национальные границы и внутри них. Положительный эффект этих мер был подорван непоследовательными действиями, такими как необеспечение медицинских работников надлежащими средствами защиты и соблюдением надлежащих протоколов безопасности, оставлением открытыми определенных

объектов (т.е. музеев, театров, школ), организацией массовых мероприятий, посвященных празднованию Новруза и Международного Дня здоровья, которые собирали большие группы людей, и в целом препятствование ношению масок и социальному дистанцированию с целью недопущения «общественного хаоса» (Sikorskaia, 2020; Aytakov, 2020; Dzardanova, 2020).

Упорное нежелание правительства делиться подробной и точной информацией о вспышке COVID-19 в стране было, пожалуй, самой вопиющей формой неправомерных действий. Правительство настаивало (и настаивает до сих пор), что случаев заражения COVID-19 в стране не было, и прилагало значительные усилия, чтобы защитить этот нарратив любой ценой. Власти принуждали медицинских работников скрывать случаи с коронавирусом-подобными симптомами, запугивали активистов и независимых журналистов, которые обсуждали и делились информацией о притоке людей с острыми респираторными заболеваниями и повышении смертности от таких состояний, а также опровергали заявления, которые противоречили одобренным государством сообщениям, распространяемым через национальные СМИ (Yaylymova, 2020; International Partnership for Human Rights (IPHR), Turkmen Initiative for Human Rights (TIHR), 2020). В июне, например, Министерство иностранных дел публично отвергло предупреждение посольства США о ситуации с коронавирусом в Туркменистане, назвав его «фальшивым» и «искаженным» (Kashgarian, 2020). Власти также препятствовали работе миссии ВОЗ в Туркменистане, задерживая ее развертывание; посетить страну разрешили только в июле, когда пациентов с коронавирусом-подобными симптомами вывезли из учреждений, которые должны были посетить эксперты (IPHR, TIHR, 2020).

В отличие от соседних государств, правительство также не приняло экстренных финансовых мер для компенсации гражданам потери доходов, вызванной пандемией. Из-за закрытых сухопутных и морских границ многие туркмены, которые зарабатывали на жизнь продажей местных или импортных товаров в соседних Узбекистане и Казахстане и снимали там наличные, больше не могли обеспечивать себя и свои семьи (Dzardanova, 2020). Правительство также не предприняло адекватных шагов, чтобы вернуть или помочь значительной группе трудовых мигрантов, которые оказались в затруднительном положении в зарубежных странах и большинство из которых также потеряли работу.

27 апреля на Лебапский и Марыйский велаят обрушился ураган, причинивший серьезный ущерб имуществу и инфраструктуре, а также повлекший человеческие жертвы. Местные власти и национальное правительство не справились с этой чрезвычайной ситуацией и ее последствиями. Поступали сообщения о том, что гидрометеорологические службы заранее информировали местные

органы власти, в том числе службы экстренной помощи, о приближающемся шторме, которые затем не информировали население (Radio Azatlyk, 2020). После урагана власти не решались оказать надлежащую гуманитарную помощь и помощь в ремонте. Вместо этого, они сосредоточили свои усилия на том, чтобы помешать жителям делиться информацией, документально подтверждающей масштабы разрушений, вызванных ураганом. Они отключили связь, в том числе мобильные и стационарные телефоны и Интернет, и заблокировали въезд в пострадавшие районы. Кроме того, власти преследовали и задерживали жителей и активистов, которые делились фотографиями повреждений; независимые источники утверждают, что было задержано около 60 человек, некоторым из которых были предъявлены обвинения (IPHR, TIHR, 2021). В то же время правительство и национальные СМИ хранили гробовое молчание о катастрофе, ущербе и жертвах, которые она вызвала, в то время как «Радио Свобода» сообщило о 30 погибших (Denber, 2020).

13 мая почти тысяча человек, в основном женщины и дети, провели акцию протеста, заблокировав главную дорогу, чтобы выразить свое возмущение бездействием правительства; на следующий день им удалось встретиться с представителями городской администрации. Только после этого чиновники пообещали восстановить государственное жилье за счет государства, которое в действительности было покрыто за счет отчислений из заработной платы бюджетников в других регионах, при этом предоставляя частным домовладельцам лишь кредиты и строительные материалы по льготным ценам (Hronika Turkmenistana, 2020). Власти также запугивали предпринимателей и простых граждан, пытавшихся помочь пострадавшим от урагана деньгами, продуктами и одеждой, настаивая на том, чтобы любая помощь шла через государственные структуры (Radio Azatlyk, 2020). В то же время, правительство направило гуманитарную помощь в соседний Узбекистан, который пострадал от сильного наводнения, вызванного прорывом плотины в начале мая, а также в Иран, Афганистан и Астраханскую область России, чтобы помочь им справиться с пандемией коронавируса (Pannier, 2020), чтобы повысить свой международный имидж.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Видимость протестного движения, мобилизация и координация действий

Первая волна акций протеста, организованная туркменами за границей в мае, показывает ключевую роль Интернета, а именно положительное влияние «горизонтальной слежки», в формировании мотивов участия в протестах. Большая масса личных видеозаписей ущерба, причиненного ураганом, просочилась за границу через личные аккаунты в социальных сетях, высветив неправомерные действия правительства, его нежелание и неспособность справляться с кризисами, став ключевым триггером протестов и общественной мобилизации за рубежом.

Гражданская журналистика также сыграла решающую роль в освещении неадекватной реакции правительства на пандемию COVID-19 как внутри страны, так и в отношении ее граждан, застрявших за границей, что еще больше разожгло протесты и расширило их повестку дня. Инцидент с около 50 туркменскими трудовыми мигрантами, погибшими в Турции от испорченного алкоголя из-за распространения ложной информации о том, что алкоголь может предотвратить заражение коронавирусом, и нежелание туркменского консульства помочь репатриировать тела обратно в Туркменистан, стал постоянной темой многих акций протеста как яркий пример нежелания правительства помочь соотечественникам в условиях пандемии.

В этой связи важно отметить работу независимых интернет-изданий, а именно Хроники Туркменистана, Радио Азатлык и Turkmen.news, которые через широкое освещение современных событий, в том числе запугивания граждан и активистов, которые делились наглядными материалами и информацией, дополнительно расширяя аудиторию. Охват этих сообщений увеличивался далее по горизонтали за счет репостов и растущего числа «сфокусированных на новостях» каналов YouTube и учетных записей в других социальных сетях, которые транслировали новости из этих источников с помощью инструментов преобразования текста в речь или личных комментариев.

Первая волна протестов также подчеркнула положительную силу «связующих действий», когда совместные акции организовывались без мобилизации и координации со стороны какой-либо официальной организации или партии. В самом первом протесте участвовала лишь

горстка неравнодушных граждан, которые призвали соотечественников, застрявших за границей, присоединиться к протесту и выйти на улицы, чтобы высказать свое недовольство. Видео пикета, размещенное на YouTube-канале «Хроника Туркменистана», набрало 75 тысяч просмотров, 1,4 тысячи лайков и более 600 комментариев. В следующие несколько недель, на Северном Кипре, в Турции, и США была организована серия акций протеста, которые начали собирать от 20 до 50 человек, не связывающих себя ни с одним из оппозиционных деятелей или движений. Хотя количество участников может показаться небольшим, необходимо отметить, что подавляющее большинство граждан Туркменистана, даже за границей, всегда избегали любых акций протеста против режима, опасаясь возмездия со стороны властей.

При этом социальные медиа оказались принципиально важными инструментами для создания ощущения нарастания протестов или так называемого «эффекта видимости», в том числе с точки зрения его географического распространения и разнообразия участников, что также привело к появлению онлайн-платформ, ориентированных на мобилизацию поддержки и координацию офлайн-действий. В социальных сетях были созданы новые группы, а именно «Туркмения- Объединяемся! Бирлешелинь! Объединяйтесь!» в Facebook, и политические движения, такие как Демократический выбор Туркменистана.

Более того, протесты привлекли новые лица из различных социальных слоев, которые не были связаны с ранее созданными оппозиционными движениями, такие как Дурсолтан Таганова, бывшая трудовая мигрантка, Нагима Музапберова, студентка юридического факультета, Аннамухамед Аннаев, бывший предприниматель, и многие другие, особенно среди молодежи, которые сыграли важную роль в расширении охвата протестного активизма, организации и координации дальнейших действий через виртуальные сообщества, такие как закрытые Telegram-чаты и личные страницы. Нагима Музапберова, например, вместе с матерью организовала серию акций протеста в разных городах США и делилась фото- и видеоматериалами этих акций на своей странице в Facebook. Активисты в Турции, такие как Чемен Ораева, аналогичным образом использовали личные страницы для мобилизации поддержки, координации активистов и демонстрации их действий (рис. 1).

Рис. 1. Призыв присоединиться к протесту на русском и туркменском языках, который был распространен в Instagram.

Широко распространяемые материалы протестов послужили еще одной важной цели – определить программу дальнейших действий и выявить нарративы, отражающие наибольшую заинтересованность местных туркменских диаспор. Хотя протесты на Северном Кипре, в Турции и США имели общие нарративы, такие как освещение всепроникающей коррупции и призывы к отставке президента и правительства, анализ помог выявить различия в их повестке дня. Протесты в США были сосредоточены в основном вокруг политических вопросов и нарушений прав человека, включая в отношении трудовых иммигрантов в Турции и на Северном Кипре. Они также были нацелены не только на туркменское правительство, но и на политиков США и международные организации, такие как ООН и ВОЗ, чтобы призвать их привлечь внимание к нежеланию руководства страны всецело выполнять свои международные обязательства. Места проведения протестов отражают эти цели, поскольку демонстрации проходили перед посольством Туркменистана, офисами ООН и ВОЗ, а также Конгрессом США. В этом ключе активисты использовали плакаты и слоганы преимущественно на английском языке, чтобы донести свои сообщения до выявленной аудитории (рис. 2).

Рис. 2. Примеры плакатов во время одной из акций протеста в Нью-Йорке, США.

Протесты на Северном Кипре и в Турции, с другой стороны, в основном были сосредоточены вокруг вопросов, которые непосредственно касались туркменских трудовых иммигрантов, которые были главной силой протестов в этих странах. Протестующие, например, обозначили основные социально-экономические факторы, заставившие их покинуть страну в поисках лучшей жизни за границей, и выразили недовольство работой туркменского посольства, которое не продлевало паспорта, не организовывало обратные рейсы в Туркменистан и не оказывало помощь местной диаспоре с проблемами, вызванными пандемией COVID-19, такими как потеря работы и дохода. В случае с иммигрантами на Северном Кипре вопрос о позиции правительства, которое препятствовало возвращению людей в эту страну на работу и вынуждало их платить огромные взятки миграционным сотрудникам, было одной из главных тем всех протестных действий.

Как видно из приведенных выше примеров, эта группа стремилась добиться каких-то ощутимых результатов путем коллективных действий, заставив туркменские власти хотя бы пойти навстречу им в некоторых требованиях, таких как организация вылетов домой или помощь в продлении паспортов, что не оспаривало в целом общую политику правительства. В этом плане эти акции протеста были схожи с отдельными демонстрациями в Туркменистане, где стихийные протесты были сосредоточены исключительно на поисках решения повседневных проблем. Протесты в Турции в основном были организованы перед консульством страны в Стамбуле, и в основном использовались плакаты на туркменском языке (иногда дублированные на турецком языке). По мере усиления давления и запугивания туркменскими властями активистов в Турции в 2020 и 2021 годов, акцент протестов сместился с социально-экономических вопросов на более радикальные политические требования.

Анализ онлайн-контента также выявил усилия активистов по разработке общих символов и элементов протестного движения и демонстрации отдельных лиц и групп, оказывающих помощь и поддержку нуждающимся членам диаспоры. Эти усилия были направлены на улучшение социальных связей между туркменами за границей, чтобы они выходили за рамки личных отношений, а также на повышение чувства солидарности, доверия, поддержки движения и готовности помогать и заниматься волонтерством. Видеозаписи показывают, например, что на более поздних этапах большинство протестующих были одеты в белые футболки, часто с перечеркнутым портретом Г. Бердымухамедова. Точно так же «Гум бол, Харамдаг!» стал всеобщим лозунгом. Эпитет «Харамдаг» обыгрывает официальный титул президента «Аркадаг» (что буквально означает «гора за спиной», иными словами, сторонник или защитник), заменяя «арка» (спина) на «харам», что означает запретное. «Гум бол!» можно вольно перевести как «Проваливай!»

Эти символы сопротивления активисты попытались распространить и на Туркменистан; например, одна из групп объявила, что в сентябре 2020 г. проведет уличные акции протеста «белорубашечников»; однако из-за плохой организации оно вылилось лишь в единичные и изолированные акции. В то же время, упомянутый лозунг появился на многих банкнотах и антиправительственных листовках внутри страны как одна из молчаливых форм протеста (рис. 3). Несколько YouTube-каналов также поделились видео-«заявлениями» простых людей как внутри страны, так и за ее пределами, которые выразили недовольство властью и заявили, что присоединились к протестному движению.

Рис. 3. Примеры антиправительственных высказываний на банкнотах как формы выражения протеста внутри Туркменистана.

Что касается нарративов о взаимопомощи, в Интернете делились множеством историй о волонтерской работе, благотворительности и актах солидарности. В начале мая граждане Туркменистана в США собрали 5000 долларов США в качестве благотворительной помощи людям, пострадавшим от урагана. Волонтеры также нашли способ

перевести деньги в Туркменистан, однако местные власти запугали человека, который должен был передать деньги пострадавшим, пригрозив ему тюремным сроком (Radio Azatlyk, 2020). Этот акт сопровождался аналогичными благотворительными инициативами внутри Туркменистана, как было описано в предыдущей главе. В Турции несколько человек, таких как Батыр Аллабердыев, выступили с инициативами по оказанию помощи туркменским трудовым мигрантам, потерявшим работу и доход. Также простые люди в Турции помогли похоронить около 50 туркмен, погибших от отравления алкоголем, о чем говорилось выше.

В целом, в первые месяцы протестов социальные сети сыграли важную роль в активизации оффлайн-акций. Действия в социальных сетях помогли привлечь новых последователей и расширить аудиторию оппозиционных платформ и тех, кто в целом стал интересоваться политическим контентом и общественными дискуссиями на туркменском языке, создав новые площадки для обмена идеями. Они также способствовали мобилизации и координации акций протеста, демонстрации взаимопомощи и поддержки, что способствовало укреплению социальных связей, и привлечению новых лиц и точек зрения. В последующие месяцы, когда оффлайн-активность начала снижаться из-за карантинных ограничений, введенных местными властями, в основном в Турции, социальные сети заменили улицы как основное место протестов и политических дебатов с целью сохранения и приумножения протестного импульса.

Онлайн-измерение протестного активизма

Всплеск протестной активности в оффлайне породил значительный спрос на политический контент в туркменоязычном интернет-сообществе, что привело к стремительному росту числа учетных записей и виртуальных сообществ на различных платформах, производящих и транслирующих разнообразный контент. Они принимали формы юмористического (саркастического) содержания, в основном в виде коротких видеороликов, текстовых и видеорепортажей, и информационных бюллетеней, личной интерпретации (анализа) событий, политических дебатов, политических программ конкретных движений, дискуссий по вопросам, затрагивающим прямое участие зрителей и круглые столы с активистами, независимыми журналистами, представителями политической оппозиции и интеллигенции.

Анализ выявил тенденцию быстрого и непредсказуемого изменения динамики популярности контента, производимого отдельными YouTube-каналами и их общей аудиторией; это означает, что, хотя каналы смогли создать свою базу поддержки, примером которой является количество подписчиков, показатели просмотров по каналам

демонстрировали (часто драматические) траектории роста и падения. Этот вывод соответствует общей оценке Виталия Пономарева протестной волны 2020 года:

«Появлялись новые люди, которые вели свои каналы. Эти каналы испытывали скачкообразные изменения аудитории, притяжения и оттока. Сегодня все устремлялись смотреть какого-то человека, потом появлялся другой — часть переключалась на нового лидера, затем появлялся еще один, и так далее» (Kozyreva, 2020).

В схожем ключе комментирует данную динамику и Фарид Тухбатуллин, основатель и директор Туркменской инициативы по правам человека (ТИПЧ), управляющей изданием «Хроника Туркменистана», проводя параллели с периодом советской перестройки и политикой гласности:

«Это напоминает мне перестроечные времена, когда можно было много печатать, и многие начинали читать все подряд без разбора, то есть все, что раньше было запрещено, должно быть прочитано [...]] сейчас это все повторяется в той или иной форме в Интернете [...] люди, которые смогли обойти фильтры властей и получили доступ к соцсетям, чтобы читать все обо всем, и все им интересно» (Radio Azatlyk, 2020).

Нестабильная динамика может быть связана не только с неизбирательным потреблением такого контента со стороны зрителей и индивидуальным отношением к конкретным деятелям оппозиции, но и с «фокусом» контента и его качеством. Как упоминалось ранее, протестное движение привлекло новых лиц, ранее не имевших связей с оппозиционными платформами, а также политическим или гражданским активизмом. Положительно то, что такая «диверсификация» расширила охват протестного движения, в том числе в онлайн-пространстве, поскольку новые активисты представили новые платформы, такие как Telegram и Tik Tok, и способы общения со зрителями, такие как «беседы» с обратной связью (вопросы и комментарии) через прямые трансляции. Это подстегнуло дальнейший интерес к материалам на политическую тематику, так как позволило аудитории напрямую включиться в дискуссию, высказать свое личное мнение и обсудить его не только с «ведущими» стримов, но и с другими зрителями.

Однако следует отметить, что эта «диверсификация» привела и к возрастной градации аудитории; как отмечают независимые наблюдатели, новые онлайн-платформы и блогеры привлекали в основном подписчиков среди молодежи, в то время как старшее поколение предпочитало придерживаться более привычных социальных сетей, таких как «Одноклассники» (Radio Azatlyk, 2020). YouTube оставался популярным сайтом среди разных групп, что объясняет, почему

активисты репостили свои видео с разных платформ, а также проводили прямые трансляции и на этом сайте.

С другой стороны, разнообразие участников не привело к такому же уровню разнообразия обсуждаемых тем и нарративов. Анализ показал, что подавляющее большинство видеороликов, размещенных на различных каналах, ретранслируют схожие по содержанию сообщения. В то время как они затрагивали ряд вопросов, в основном связанных с современными событиями, дискуссии в основном касались «антирежимного» нарратива, а именно критики президента, его родственников и политической элиты. В частности, не доставало аналитической глубины и широты содержания при обсуждении общественно-политических и социально-экономических проблем в стране, «упрощение» их причин и дальнейшего развития.

Кроме того, анализируемые каналы и их контент в значительной степени опирались на эмоциональную лексику, чтобы вызвать определенную реакцию у зрителей, в том числе за счет использования уничижительных эпитетов и реплик (частота использования варьировалась в зависимости от канала). В целом, эти выводы подтверждают оценку независимых наблюдателей, которые также указывали на низкое качество контента и профессионализм многих блоггеров (Radio Azatlyk, 2020).

Хотя такой подход может найти отклик у аудитории и (в целом) соответствовать целям протестного движения, он имеет свои недостатки как для активистов, так и для широкой общественности. Во-первых, как упоминалось ранее, это приводит к нестабильной динамике зрительской аудитории, поскольку аудитория переключается с канала на канал в поисках достоверной и качественной информации. Во-вторых, акцент на «антирежимном» нарративе в его широком смысле оставляет за рамками публичных дискуссий некоторые важные темы; например, существует острая нехватка контента, посвященного гендерному равенству, меньшинствам (религиозным, сексуальным, этническим и т. д.), проблемам в сферах образования, экологии, и многим другим. Анализ, например, смог выявить лишь один канал YouTube, который по собственному заявлению фокусируется на гендерной тематике; несмотря на это, у канала очень низкая посещаемость (подписчики, просмотры) и очень мало видео по этому вопросу. Кроме того, даже когда такие вопросы в целом выносятся на публичное обсуждение, они не анализируются в себе, а в конечном итоге используются в качестве контекстуального фона для «антирежимного» нарратива.

В-третьих, низкокачественный контент также делает общественность восприимчивой к (не)преднамеренной дезинформации и вводящим в заблуждение сообщениям. Анализ, например, показал, что не менее чем на четырех каналах есть несколько видеороликов, основанных на

информации, не подкрепленной реальными доказательствами, например, о близком крахе правящего режима или распространении слухов о смерти президента. Излишне говорить, что такая тактика «кликбейта» снижает доверие к активистам и не способствует формированию хорошо информированной и заинтересованной общественности.

С точки зрения тематики, «новостной» контент доминировал во всех группах и на разных платформах и по объему и по разнообразию. В этих материалах обычно использовалась информация из независимых источников, таких как «Хроника Туркменистана», «Туркмен.ньюс», «Радио Азатлык» и некоторых других; в некоторых случаях представленный контент определял анонимных «инсайдеров» как источников информации. Доставка и качество контента сильно различались по каналам; каналы, которые были созданы как политические онлайн-платформы, производили видео более профессионального качества и предлагали сравнительно более сложный анализ по сравнению с отдельными активистами, которые обычно обсуждали «новости» в прямом эфире, часто с участием общественности в режиме вопросов-ответов или коротких предварительно записанных видео-сообщений с личными комментариями.

Кроме того, также часто проводились прямые трансляции круглых столов с активистами и экспертами, которые делились своим мнением по обсуждаемому вопросу. Такие круглые столы и групповые обсуждения обычно проводились для обсуждения основных событий, как, например, в случае с (тогда) предстоящим собранием Халк Маслахаты в сентябре 2020 года, на котором были приняты поправки к Конституции. На круглом столе обсуждалось, как эти изменения повлияют на дальнейшую политическую динамику, а именно на наследственный переход власти в Туркменистане и его влияние на протестное движение. Также в рамках таких прямых эфиров часто обсуждались дальнейшие шаги протестного активизма и репрессии против активистов.

Факторы, препятствующие влиянию туркменского онлайн-активизма на внутренние события

До сих пор всплеск оффлайн- и онлайн-протестной активности среди туркмен за границей не привел к такому же уровню политической и гражданской активности на родине. За последние несколько лет протестный активизм в Туркменистане принял две формы: «молчаливые» формы выражения недовольства режимом (к примеру, распространение антиправительственных листовок и банкнот с политическим текстом) и изолированные выступления по конкретным бытовым вопросам, непосредственно волнующих жителей.

Последние были направлены больше на региональные и местные власти и не содержали никаких политических требований, бросающих вызов общей политике правительства. Они, например, сосредотачивались на таких темах, как увеличение сборов и рост цен на многие товары первой необходимости, нехватке муки и растительного масла и других продуктов питания, нехватке наличных денег, доступных для снятия в местных банкоматах и т. д. (IPHR, TIHR, 2021). При отсутствии каких-либо политических требований власти отвечали на такие публичные проявления недовольства комплексом примирительных и запугивающих мер.

Данные тенденции показывают, что давление в обществе растет и что люди все больше осознают силу коллективных действий. Тем не менее, нет надежных данных, свидетельствующих о возникновении более глубоких структурных изменений на низовом уровне и изменении привычных практик; это означает, что нет никаких признаков того, что общественность в целом желает и способна направить свое недовольство в политические сообщения с требованием (демократических) реформ. Точно так же отсутствуют надежные доказательства того, что оппозиционные платформы в изгнании набирают силу на родине и содействуют продвижению новых форм политического протеста.

При этом, данное исследование выделяет два набора факторов, структурных и условных, которые ограничивают выход оппозиции в изгнании на внутреннюю аудиторию и, как следствие, ограничивают ее возможности артикулировать, мобилизовывать и объединять протесты. Структурные факторы включают жесткий контроль правящего режима над пространством гражданского общества (как подробно описано в главе выше) и медийной средой, включая онлайн-пространство, а также жесткие репрессии против активистов и их родственников внутри страны и за рубежом. К обусловленным факторам относятся недостатки внутри самого протестного движения, такие как ограниченность ресурсов, слабая институционализация, фрагментарность, отсутствие четких (коммуникативных) стратегий и др.

Власти Туркменистана используют различные средства для ограничения доступа граждан к независимой информации. Правительство напрямую контролирует все вещательные (телевидение, радио) и печатные СМИ в стране. Доступ в Интернет медленный, ненадежный и непомерно дорогой, особенно с учетом снижения покупательной способности. В результате Туркменистан занимает самое низкое место в Центральной Азии по количеству людей, пользующихся Интернетом (21%), что намного ниже среднемирового показателя (54%) (Burunçius, 2021). Цифровой разрыв является острой проблемой, поскольку национальная инфраструктура информационных и коммуникационных технологий в значительной

степени слабо развита за пределами крупных городских районов, что ограничивает доступ к Интернету для жителей сельских и отдаленных районов, которые составляют значительную часть населения.

Государственная компания «Туркментелеком» является единственным интернет-провайдером в стране, что позволяет правительству жестко контролировать поток информации в пределах своих границ и подвергать цензуре доступ к сайтам с нежелательным содержанием. Эти ограничения носят произвольный характер, не подлежат независимому судебному пересмотру и вводятся без предупреждения. Сложно оценить количество заблокированных веб-сайтов, поскольку правительство не ведет открытый реестр для таких целей. Власти, например, блокируют доступ к большинству социальных сетей и сайтам независимых СМИ, которые чрезмерно используются независимыми активистами (Zhyrmynt, 2021).

В последние годы правительство также наращивало свои репрессивные возможности в киберпространстве, включая через установление партнерских отношений с Россией и Китаем. Правительство, например, усилило меры против виртуальных частных сетей (VPN) и прокси-серверов, которые помогают местному населению обходить государственные фильтры и получать доступ к заблокированным сайтам (IPHR, TIHR, 2021a). Например, в марте 2021 г. правительство начало массовое отключение VPN-приложений, что привело к их крупномасштабным сбоям, которые продолжались до конца месяца (IPHR, TIHR, 2021b). Правительство также блокирует интернет-магазины, где люди получают такие приложения, а также запугивает и преследует граждан, которые либо используют, либо помогают устанавливать приложения VPN. Отрицательную роль в этом плане играет и низкая цифровая грамотность; большинство населения все еще мало осведомлено о доступных инструментах обхода цензуры и о том, как их эффективно использовать.

Правительство также улучшило свою тактику борьбы с онлайн-контентом независимых журналистов, в первую очередь через аккаунты в социальных сетях, связанные с правительством. Ранее режим в основном полагался на прямые DDoS-атаки на оппозиционные сайты, например, на сайт «Хроника Туркменистана». В 2020 году правительство предположительно стояло за обвинениями в нарушении авторских прав против канала «Радио Эркин Туркменистан» на YouTube за его независимое освещение событий, связанных с COVID-19 в Туркменистане (Kashgarian, 2020). Аналогичным образом, в 2021 году канал «Хроника Туркменистана» на YouTube был заблокирован по обвинению в нарушении авторских прав, поданному государственным каналом «Ватан хабарлары» за использование официальных кадров туркменского государственного телевидения (Eckel, 2021), хотя канал надлежащим

образом указал все источники информации. В ходе этого исследования автор выявил несколько недоступных каналов YouTube, ранее принадлежавших оппозиционным активистам; активистам пришлось открывать новые каналы под другим названием для производства и распространения контента.

Тотальный контроль над медийной средой помогает правительству сдерживать рост политического недовольства. Осознавая возможность цензуры и слежки, а также суровые наказания за доступ и производство политически направленного контента, большинство населения применяет самоцензуру, избегая доступа к таким веб-сайтам и выражения своих политических взглядов. Вместо этого они используют Интернет в основном как средство социального взаимодействия и развлечения. Кроме того, поскольку государственные СМИ не освещают демонстрации и подобные неблагоприятные темы, гражданам не дают узнать о масштабах недовольства политикой правительства в различных регионах, историях успеха противостояния властям и силе коллективных требований.

В том же духе, репрессивные действия правительства против активистов и их родственников как внутри страны, так и за рубежом направлены на подрыв мобилизационного потенциала протестного движения. Хотя активисты за границей никогда не были в полной безопасности, в последние два года туркменские власти стали особенно активно использовать инструменты «транснациональных репрессий».

Туркменское правительство стало особенно бдительно относиться к активистам, проживающим в Турции. Уже когда протесты только набирали силу, туркменские дипломаты предпринимали шаги по предотвращению дальнейших акций и розыску активистов, призывая местные власти запретить демонстрации и задерживать участников. 19 июля около 80 человек были арестованы в преддверии запланированной крупномасштабной антиправительственной демонстрации в Стамбуле; среди них была Дурсолтан Таганова, один из лидеров протестного движения в Турции, которую впоследствии держали в депортационном центре до октября, угрожая депортацией на родину (Najibullah, 2020). Кроме того, власти провели полномасштабную кампанию по дискредитации ее и других активистов в Туркменистане, проводя встречи с участием сотрудников правоохранительных органов, предупреждая людей не смотреть и не читать их контент (Radio Azatlyk, 2021).

В 2021 году репрессии против активистов в Турции продолжились и даже усилились. В преддверии запланированных протестов турецкие официальные лица, иногда вместе с людьми, которые, как считается, связаны с дипломатическими представительствами Туркменистана в Турции, предупреждали многих активистов о возможных негативных

последствиях участия в любых антиправительственных демонстрациях (IPHR, TIHR, 2021a). Существует большое количество различных случаев, документально подтверждающих усиление запугивания и преследования многих известных активистов, включая Дурсолтан Таганову (RFE/RL's Turkmen Service, 2021a), Мурада Курбанова (Hronika Turkmenistana, 2021), Розгельды Чолиева (Memorial, 2021), Азиза Мамедов, Нурмухаммет Аннаев (RFE/RL's Turkmen Service, 2021b) и других. В начале ноября более 30 правозащитных организаций призвали Турцию прекратить преследование туркменских активистов после усиления репрессий против их деятельности (Fargoq, 2021).

Охват протестного движения и его потенциал еще больше ослабляются недостатками внутри самого движения. В то время как представители оппозиции заявляют о значительной поддержке по всей стране, все их протестные инициативы внутри Туркменистана потерпели неудачу из-за отсутствия должной поддержки, как это было в случае с протестами «белых рубашек», упомянутыми ранее. Туркменские граждане действительно становятся более активными в онлайн-пространстве, например, обмениваясь видео и другими материалами с активистами и независимыми СМИ, участвуя в дискуссиях, в том числе на различных Telegram-каналах, комментируя под видео на YouTube-каналах, следя за прямыми трансляциями активистов оппозиции.

Эти действия, однако, не указывают на коренные изменения привычных практик; как подчеркивают лидеры оппозиции, люди внутри страны ожидают, что активисты за границей инициируют изменения, которые могут свергнуть режим: «Они ждут, что мы придем и спасем их от Аркадага» (Zverintseva, 2020). Активисты, со своей стороны, продолжают подчеркивать важность массовой мобилизации протестного движения в самом Туркменистане как ключевой предпосылки для возможных изменений. Таким образом, отсутствие четких стратегий, ресурсов и хорошо налаженных сетей между двумя выявленными группами приводит к отсутствию значимых и прогрессивных действий.

В некоторых случаях инициативы либо вызывают гнев, либо снижают доверие к представителям оппозиции, указывая на отсутствие четких коммуникационных стратегий для привлечения внутренней аудитории. Например, обещание одного из деятелей выдать 500 долларов США тем, кто будет выходить на митинги против режима в Туркменистане, было воспринято многими активистами и рядовыми гражданами как свидетельство коррумпированного поведения и пренебрежения к безопасности людей. В другом примечательном случае следующие комментарии вызвали серьезную общественную реакцию в связи с инициативой «Открой свое лицо», которая призвала туркменских трудовых мигрантов открыто критиковать режим:

«Если мигранта замечают за участием в какой-то деятельности, не одобряемой властями, сотрудники Министерства национальной безопасности (МНБ) оказывают давление на его родственников. Но мы провели некоторые расчеты... Чтобы оказать давление на одну семью, нужно задействовать одного сотрудника полиции и не менее трех сотрудников МНБ... Что будет, если мигранты начнут массово высказывать свое мнение открыто? На каждую тысячу человек, которые сделают такое заявление, потребуется не менее восьми тысяч офицеров. А всего, допустим, в Дашогузском велаяте (области) 100 сотрудников МНБ. Даже если им придется оказать давление всего на 300 семей в регионе, они не смогут сделать это эффективно. Их усилия будут парализованы. Когда мы соберем три тысячи таких заявлений, оставшимся мигрантам можно будет не беспокоиться о выражении своего мнения, а после десяти тысяч заявлений вся тема сокрытия своей личности будет забыта навсегда» (Там же).

Хотя все группы в оппозиционном движении апеллируют к демократическим ценностям, анализ выявил острую нехватку контента, который обеспечивает квалифицированное и подробное обсуждение демократических норм и практик, особенно в контексте Туркменистана. В связи с этим вопросы типа «что такое демократия для граждан Туркменистана?» и «какого правительства жаждут туркменские граждане?» до сих пор во многом остаются без должного ответа.

Кроме того, в ходе анализа был выявлен значительный сегмент контента, который игнорирует принципы плюрализма и уважения различных политических взглядов в отношении коллег-оппозиционеров. Многие из таких видео не чураются нецензурной брани, уничижительных высказываний и эпитетов, в том числе в отношении членов семей обсуждаемых лиц. В движении по-прежнему сильны тенденции к «фракционированию», поскольку большинство активистов и оппозиционеров, как старых, так и новых, распадаются на группировки и поддерживают атмосферу взаимных обвинений и дразг. Активистов старшего поколения часто обвиняют в бездействии на протяжении многих лет и коррумпированности, поскольку многие из них ранее были частью элиты, а затем впали в немилость и были вынуждены эмигрировать. Другой широко используемый нарратив заключается в том, что некоторые из активистов являются «агентами режима», которые стремятся выявить сторонников антиправительственных протестов и посеять беспорядки.

В целом, такие ссоры дискредитируют протестное движение, представляя его нарративы как борьбу между небольшой группой лиц за политическую власть и влияние, включая признание со стороны международного сообщества. Несколько активистов, участвовавших в правозащитных мероприятиях, организованных международными

организациями, были названы «оппортунистами», которые используют свою деятельность для получения политического убежища в Европе. Таким образом, эти тенденции преуменьшают положительные сдвиги, вызванные этой волной протестной активности, а именно появление новых лиц и точек зрения. В результате такая разобщенность дробит и маргинализирует движение, а главное, снижает его мобилизационный потенциал среди населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нынешнее состояние туркменского протестного активизма, особенно в онлайн-пространстве, вызывает больше вопросов и скептицизма по поводу его потенциала, чем восхищения. Данное исследование показало, что ему не хватает «зрелости» и он не демонстрирует «процесс обучения», поскольку большинство его внутренних недостатков из прошлого остаются актуальными. Хотя движение смогло возродиться после многолетней спячки, организовав волну акций протеста, ему все еще не хватает возможностей для перехода к следующему этапу. Этот момент имеет решающее значение, так как уже нарастает усталость от «бесконечных ток-шоу» активистов, обсуждающих проступки режима – на данный момент наиболее заметная часть их работы. Следовательно, движение не должно переоценивать степень социальной поддержки, которой оно пользуется; ему необходимо усовершенствовать свой подход и стратегии и поработать над своими недостатками.

Движению необходимо укреплять свои навыки в преобразовании политических требований и критики в реальные действия, даже если последние не приводят к немедленным радикальным изменениям. Повышение осведомленности и разработка эффективных мобилизационных кампаний с учетом местных особенностей могут еще больше подорвать поддержку режима; это может повлечь за собой обращение к более прагматичным элементам и молчаливым перебежчикам режима. Точно так же активисты должны улучшить свои стратегии по созданию более прочных горизонтальных связей и закладке социокультурных основ для протестных сетей и будущих согласованных действий.

Движение должно показать, что его члены могут возглавить страну и провести давно назревшие реформы. Активистам необходимо улучшить свои навыки в разработке правильных политических предложений, предлагая новое видение, улучшить стратегические, управленческие и коммуникативные навыки в своих рядах, которые могут убедить перебежчиков и колеблющихся мнений. В том же духе активисты должны научиться более эффективно защищать и лоббировать свои интересы, признавая при этом, что они не могут полагаться исключительно на надежды на возможные международные санкции.

В этой связи решающим фактором становится улучшение сплоченности внутри разношерстной группы активистов и оппозиционеров. Активистам нужно научиться работать друг с другом, отложив в сторону взаимные

обиды и обвинения. Точно так же движению необходимо улучшить свои сетевые стратегии, чтобы укрепить свой потенциал и самодостаточность, а также узнать о передовом опыте, который может работать в политических реалиях Туркменистана. Развитие более тесных связей с сектором гражданского общества стран Центральной Азии может быть особенно полезным из-за общих социокультурных связей и многих сходств в политических системах. Туркменский протестный активизм уже достиг той стадии, когда активности только в туркменоязычном сегменте Интернета уже недостаточно для изменений. Таким образом, ему необходимо расширить свои контакты с международными субъектами, иностранными СМИ, правозащитными группами, чтобы сделать свои действия и повестку дня более заметными и привлекательными.

Поскольку онлайн-пространство, скорее всего, останется основным местом проведения дальнейших акций протеста, движению необходимо приложить больше усилий для продвижения контента, основанного на фактах и данных, и дискуссий, ведущих к более сложным анализам, свободным от спекуляций и (не)преднамеренной дезинформации. Кроме того, активисты могут создавать неформальные центры знаний и онлайн-медиа проекты, направленные на формирование лучшего понимания демократических ценностей и практик и гражданского сознания среди аудитории, а также на освещение проблем и тем, которым до сих пор не уделялось должного внимания, но которые имеют большое значение, например гендерное равенство.

В связи с этим, движению необходимо развивать и мобилизовывать людей вокруг устойчивой и инклюзивной программы, ориентированной на будущее, сфокусированной на достижении реалистичных долгосрочных целей. В настоящее время ощущается острая нехватка такого контента; в то время как важно продолжать освещать проступки правящего режима, не менее важно продвигать дискуссии, сосредоточенные вокруг нарратива «Туркменистан будущего», в котором фундаментальные демократические ценности должны занять центральное место.

Действительно, потенциал протестного движения значительно ограничен из-за неравных условий игры, поскольку правящий режим обладает гораздо большей способностью мобилизовывать ресурсы для достижения корыстных интересов даже в условиях давления. При этом крайне маловероятно, что протестному движению удастся свергнуть существующие авторитарные структуры власти в ближайшем будущем. Тем не менее, по-прежнему крайне важно, чтобы он извлекал выгоду из текущего импульса и продолжал развивать и расширять свои профессиональные компетенции. Это может заложить прочную основу для более глубоких изменений в обществе с точки зрения сдвигов в ценностях. Революция 2020 года в Кыргызстане продемонстрировала,

что всплеск протестной активности не обязательно приводит к демократическим преобразованиям, поскольку она привела к появлению власти, демонстрирующей авторитарные тенденции. Учитывая это, если туркменские активисты искренни в своих стремлениях к укреплению демократических норм и практик в стране, им необходимо сосредоточить свои усилия на привитии этих ценностей в гражданах, и формировании хорошо осведомленных и общественно-заинтересованных граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Alternative News of Turkmenistan. “Аркадаг заметался.” [The Protector Swept Over]. January 21, 2019. <https://habartm.org/archives/10007>

Alternative News of Turkmenistan. “Туркменистан: В дни проведения Азиады местных активистов лишили связи.” [Turkmenistan: During the Asian Games, local activists were deprived of communication]. September 24, 2017. <https://habartm.org/archives/7786>

Analytical Center for Central Asia. “Turkmenistan: convicted Khalykov was added to the list of persecuted journalists.” July 12, 2021. <https://acca.media/en/turkmenistan-convicted-khalykov-was-added-to-the-list-of-persecuted-journalists/>

Aytakov, S. “Coronavirus in Turkmenistan: Politics on the Verge of Crime.” Cabar.asia. December 11, 2020. <https://cabar.asia/en/coronavirus-in-turkmenistan-politics-on-the-verge-of-crime>

Azhigulova, K. “Alt-Right groups in Kazakhstan: How they succeeded in canceling a Bill against domestic violence” in Retreating Rights: Examining the pressure on human rights in Kazakhstan. The Foreign Policy Centre. 2021. pp. 66-71

Baialieva, G., Kutmanaliev, J. “Social media mobilization and the rise of populism in Kyrgyzstan.” in Retreating Rights: Examining the pressure on human rights in Kyrgyzstan. The Foreign Policy Centre. 2021. pp. 52-60

Berdikulov A., Buriev M., & Marinin, S. “Civil Society and the COVID-19 Governance Crisis in Kyrgyzstan and Tajikistan.” 2021. <https://iep-berlin.de/site/assets/files/1555/en-civil-society-covid-19-in-kyrgyzstan-tajikistan.pdf>

Bertelsmann Stiftung. BTI 2020 Country Report -Turkmenistan. Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2020. https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2020_TKM.pdf

Bohr, A. “Turkmenistan: Power, Politics and Petro-Authoritarianism.” The Royal Institute of International Affairs. London: Chatham House, 2016.

<https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-03-08-turkmenistan-bohr.pdf>

Burunciuc, L. "How Central Asia can ensure it does not miss out on a digital future." World Bank Blogs. June 21, 2021.

<https://blogs.worldbank.org/europeandcentralasia/how-central-asia-can-ensure-it-doesnt-miss-out-digital-future>

Committee to Protect Journalists. "Turkmenistan journalist Soltan Achilova barred from traveling abroad." March 25, 2019.

<https://cpj.org/2019/03/turkmenistan-journalist-soltan-achilova-barred-fro/>

Crude Accountability. "Turkmenistan: A Model Kleptocracy." 2021.

https://crudeaccountability.org/wp-content/uploads/web_Turkmenistan_A_Model_Kleptocracy_report.pdf

Denber, R. "Turkmenistan Government's Deafening Silence After Hurricane." Human Rights Watch. May 4, 2020,

<https://www.hrw.org/news/2020/05/04/turkmenistan-governments-deafening-silence-after-hurricane>

Dzardanova, S. "Ready for (no) change: Pitfalls of Staying in Power in Turkmenistan," Cabar.asia. December 23, 2020.

<https://cabar.asia/en/mechanisms-for-strengthening-power-in-turkmenistan-preparing-for-transit>

Eckel, M. "YouTube Blocks Channel Of U.S. News Group After Complaints From Turkmen State Media." RFE/RL. October 13, 2021.

<https://www.rferl.org/a/turkmenistan-youtube-blocked-eurasianet/31507692.html>

Farooq, U. "Turkmenistan's dissidents fear crackdown in Turkish exile."

Aljazeera. November 12, 2021.

<https://www.aljazeera.com/news/2021/11/12/turkmenistans-dissidents-fear-crackdown-in-turkish-exile>

Freedom House. "Freedom House Nations in Transit 2018: Turkmenistan."

https://freedomhouse.org/country/turkmenistan/nations-transit/2018#footnote_2_p4l8j38

Freedom House. "Freedom House Nations in Transit 2020: Turkmenistan."

<https://freedomhouse.org/country/turkmenistan/nations-transit/2020>

Hronika Turkmenistana. "В Туркменабате прошла встреча представителей мэрии с жителями города, возмущенными бездействием властей." [In Turkmenabat, representatives of the mayor's office met with residents of the

city, outraged by the inaction of the authorities]. May 14, 2020.
<https://www.hronikatm.com/2020/05/zheleznodorozhny/>

Hronika Turkmenistana. "Власти Турции не пустили в страну оппозиционера Мурада Курбанова. Ему грозит депортация." [The Turkish authorities did not allow oppositionist Murad Kurbanov into the country. He faces deportation]. September 3, 2021. <https://www.hronikatm.com/2021/09/kurbanov-detained/>

Hronika Turkmenistana. "Трудовая миграция в Турцию привела к нехватке медсестер в Туркменистане." [Labor migration to Turkey has led to a shortage of nurses in Turkmenistan]. September 20, 2019.
<https://www.hronikatm.com/2019/09/medics-migration/>

Hug, A. "Introduction: Putting the spotlight on Turkmenistan." In *Spotlight on Turkmenistan*. The Foreign Policy Centre. 2019. pp. 4-23

Human Rights Watch. "Turkmenistan: Denial, Inaction Worsen Food Crisis." September 23, 2020.
<https://www.hrw.org/news/2020/09/23/turkmenistan-denial-inaction-worsen-food-crisis>

International Commission of Jurists. "Turkmenistan: Authorities must respect the rights of detained lawyer Pyagemberdy Allaberdyev." September 14, 2020.
<https://www.icj.org/turkmenistan-authorities-must-respect-the-rights-of-detained-lawyer-pyagemberdy-alaberdyev/>

International Partnership for Human Rights, Turkmen Initiative for Human Rights. "Closed Civic Space in Turkmenistan, Widening Crackdown on Dissent." June 2021.
<https://www.iphronline.org/wp-content/uploads/2021/06/CLOSED-CIVIC-SPACE-IN-TURKMENISTAN-JUNE-2021-1.pdf>

International Partnership for Human Rights, Turkmen Initiative for Human Rights. "Turkmenistan: new internet restrictions, new cases of persecution of outspoken activists." May 4, 2021.
https://www.iphronline.org/turkmenistan-dec_20_mar_21.html

International Partnership for Human Rights, Turkmen Initiative for Human Rights. "It came with the wind" Human Rights Impact Assessment of the COVID-19 Response in Turkmenistan." July 2020.
<https://www.iphronline.org/wp-content/uploads/2020/07/Covid-19-Turkmenistan-report.pdf>

Kashgarian, A. "Turkmenistan Clamps Down on COVID-19 Criticism." *Voice of America*. November 30, 2020.

https://www.voanews.com/a/extremism-watch_turkmenistan-clamps-down-covid-19-criticism/6198997.html

Kozyreva, A. "Правозащитник Виталий Пономарев – об эволюции протеста в Туркменистане." [Human rights activist Vitaly Ponomarev on the evolution of protest in Turkmenistan]. Коалиция В Защиту Фундаментальных Свобод В Евразии, November 16, 2020.
<http://www.ihahr-nis.org/pravozashchitnik-vitaliy-ponomarev-ob-evolyucii-protesta-v-turkmenistane>

Najibullah, F. "Turkmenistan's Tsikhanouskaya: Activist Determined To Fight For Democratic Change, Says 'We Are Not Afraid Anymore.'" RFE/RL's Turkmen Service. November 3, 2020,
<https://www.rferl.org/a/turkmenistan-s-tsikhanouskaya-activist-determined-to-fight-for-democratic-change-says-we-are-not-afraid-anymore-/30927728.html>

Najibullah, F. "Escape from Turkmenistan: Almost 2 Million Have Fled, But The President Looks The Other Way." RFE/RL's Turkmen Service. June 8, 2019.
<https://www.rferl.org/a/escape-from-turkmenistan-almost-2-million-have-fled-but-the-president-won-t-hear-of-it/29987972.html>

Pannier, B. "A Troubled Government And Rare Protests In Turkmenistan." RFE/RL. May 19, 2020.
<https://www.rferl.org/a/analysis-turkmenistan-s-ineffective-government-brings-people-into-the-streets-for-rare-protests/30620560.html>

Pannier, B. "Currency Collapse Mirrors Turkmenistan's Extreme Economic Woes." RFE/RL. April 8, 2021.
<https://www.rferl.org/a/currency-collapse-turkmenistan-economic-woes/31193958.html>

Pannier, B. "Food lines in a land of marble." In *Spotlight on Turkmenistan*. The Foreign Policy Centre. 2019. pp. 24-28

Polese, A., Ó Beacháin, D. 2011. "The color revolution virus and authoritarian antidotes: Political protest and regime counterattacks in post-Communist spaces." *Demokratizatsiya*, 19(2). 2011. pp. 111–132

Radio Azatlyk. "«Говорим открыто»: Что происходит с информацией и СМИ в Туркменистане? (Часть 2)." ["We speak openly": What is happening with information and media in Turkmenistan? (Part 2)]. December 13, 2020.
<https://rus.azathabar.com/a/30996337.html>

Radio Azatlyk. "Власти Туркменистана возобновили кампанию по дискредитации туркменских активистов." [Turkmen authorities resume

campaign to discredit Turkmen activists]. November 12, 2021.
<https://rus.azathabar.com/a/31557891.html>

Radio Azatlyk. "Власти Туркменистана препятствуют передаче добровольной денежной помощи пострадавшим от урагана." [The authorities of Turkmenistan prevent the transfer of voluntary cash assistance from the hurricane]. May 11, 2020. <https://rus.azathabar.com/a/30606054.html>

Radio Azatlyk. "Жители Ашхабада украдкой посылают продукты и одежду пострадавшим от урагана в Лебапе." [Residents of Ashgabat furtively send food and clothes to victims of the hurricane in Lebap]. May 26, 2020.
<https://rus.azathabar.com/a/30634809.html>

Radio Azatlyk. "Число погибших в результате урагана в Туркменистане превысило 30 человек, много детей." [The death toll from the hurricane in Turkmenistan exceeded 30 people, many children]. May 2, 2020.
<https://rus.azathabar.com/a/30589172.html>

RFE/RL. "Struggling Turkmenistan to Privatize Transport Sector, End Science Funding." January 31, 2019.
<https://www.rferl.org/a/turkmenistan-berdymukhammedov-privatize-transport-science-funding/29743133.html>

RFE/RL. "Turkmenistan Cuts Last Vestiges of Program for Free Utilities." September 26, 2018.
<https://www.rferl.org/a/turkmenistan-cuts-last-vestiges-of-program-for-free-utilities/29511308.html>

RFE/RL's Turkmen Service. "Outspoken Critic Of Turkmen Government Released From Deportation Center In Istanbul." September 30, 2021,
<https://www.rferl.org/a/turkmenistan-critic-released-turkey/31485540.html>

RFE/RL's Turkmen Service. "Rights Groups Say More Turkmen Activists Attacked In Istanbul." October 12, 2021. <https://www.rferl.org/a/31505232.html>

Sikorskaia, I. "Turkmenistan's Covid-19 Policy: Secrecy and Denial." Cabar.asia. April 21, 2020.
<https://cabar.asia/en/turkmenistan-s-covid-19-policy-secrecy-and-denial>

Sikorskaya, I. "Turkmen Opposition Considers Election Offer." Institute for War & Peace Reporting. July 12, 2011.
<https://iwpr.net/global-voices/turkmen-opposition-considers-election-offer>

Stronski, P., Zanca, R. "Societal Change Afoot in Central Asia." Carnegie Endowment for International Peace. 2019.

https://carnegieendowment.org/files/8-29-19_Stronski_Zanca_Central_Asia1.pdf

Sullivan, C. "Civil Society in Chains: The Dynamics of Sociopolitical Relations in Turkmenistan" in *Civil Society and Politics in Central Asia*, ed. Charles E. Ziegler. Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2015. 250-251 pp.

The Human Rights Center Memorial. "После депортации туркменского блогера российские пограничники стали отрицать, что отказывались принимать у него заявление об убежище." [After the Turkmen blogger was deported, Russian border guards began to deny that they had refused to accept his asylum application]. March 26, 2021.
https://memohrc.org/ru/news_old/posle-deportacii-turkmenskogo-blogera-rossiyskie-pogranichniki-stali-otricat-cto

Turkmen.news. "Turkmen President's Brother-in-Law involved in construction of \$2.3bn expressway." July 2, 2019.
<https://en.turkmen.news/news/turkmen-president-s-brother-in-law-involved-in-construction-of-2-3bn-expressway/>

U.S. Department of State. "2020 Country Reports on Human Rights Practices: Turkmenistan."
<https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/turkmenistan/>

Yaylymova, A. "COVID-19 in Turkmenistan: No Data, No Health Rights." *Health and Human Rights Journal*, Vol. 22/2. December 2020. pp. 325-328.
<https://www.hhrjournal.org/2020/10/covid-19-in-turkmenistan-no-data-no-health-rights/>

Zhyrmont, A. "What Turkmenistan internet shutdowns tell us about digital repression." *Accessnow*. December 7, 2021.
<https://www.accessnow.org/turkmenistan-internet-shutdowns/>

Zverintseva, T. "Show your face – paralyse the system!" *Fe*. July 12, 2020.
<https://en.fergana.news/articles/120027/?country=t>

